

Пожалуй, сейчас без всякого преувеличения можно сказать: Курган театрален. В течение трех месяцев фирмы приглашают любителей театра, то посмотреть драму А. Штейна «Омаки», то музыкальную комедию «Чемодан с наклеем», то послушать оперу «Искатели жемчуга». Нет, право, курганским любителям театра нынче повезло...

Башкирский государственный театр оперы и балета привез на гастроли очень разные по своему характеру спектакли: новую оперу К. Листова «Дочь Куды» и редкую идущую даже на сценах столичных театров оперу Жюльена Бизе «Искатели жемчуга», национальный балет «Журавлиная песня» и вечно молодой, любимый балет «Лебединое озеро». Каждый спектакль смотрится с большим интересом, хотя имеет и свои недостатки, и свои недостатки.

Мы спросили курганских зрителей поделиться своими впечатлениями о гастроях наших гостей.

Вплоть до настоящего дня самым трудным для художника-декоратора остается оформление оперы и балетов.

Наш корреспондент обратился к художнику Курганского драматического театра Б. Забелину с просьбой высказать свое мнение относительно художественного оформления спектаклей наших гостей — уфимцев. Разговор шел главным образом об «Искателях жемчуга».

— Оперный художник, — начал Забелин, — должен раскрывать образ спектакля, а не иллюстративно определять место действия. Точнее: мы сравнительно хорошо представляем Индию по кинофильмам, и у художника есть возможность воспользоваться конкретным материалом, а не условным «координирующим» стилем, который процветал в конце прошлого века. На мой взгляд, оформлявший «Искателей жемчуга» художник В. Плехунов напрасно избрал второй путь, доверившись традиции.

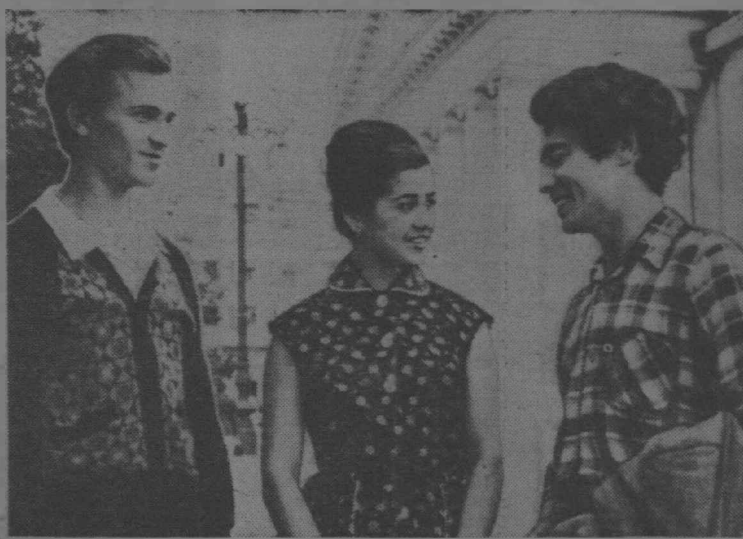
Я слушал увертюру и представлял море, волны, скалы, красивую страну, где тяжелый труд так же привычен, как опасность. Но вот распахнулся занавес. Перед глазами неподвижное море, кудлы по старинке на сетке, тонкие смешные пальмы. Вряд ли Бизе так представлял место, где сошлись судьбы его героев.

Зазвучала ария Надиры, и вдруг стали зажигаться... Нет, не звезды, а обыкновенные лампочки.

Среди пестрых разнохарактерных костюмов хористов терялись герои оперы. Это было тем более обидно, что хор пел четко и слаженно. Хотелось слу-

Наши гости — молодые артисты Башкирского государственного театра оперы и балета (слева направо) Константин Хохлов, Эльза Сулейманова, Альберт Ишматов.

Фото В. Устиновкина.

шать оперу с закрытыми глазами.

Второе действие. У сцены вид какой-то скучноватый, словно она оформлена по «Ежегоднику императорских театров» докореволюционных времен. Лампочки в чаше, которую держит богиня, совсем напрасны: когда они случайно погасли, оформление только выиграло: не выжесся лампочка с фактурой холста и сетки! Здесь, как и для звездочки в арии Надиры,

лиам нравится дождь, но они аплодировали бы вдвойне, если б вместо вертушки на заднем плане постановщик воспользовался бы давно освоенным драматическими театрами обыкновенным... овсом, средством более новым и более эффективным.

— Несколько слов о художественном оформлении танцев.

— Неарко. Вспомните танец жрецов огня. Та же костюмов смазывают труд

появился самовар, и оформителю спектакля так и не удалось избавиться от заведомо чужеродного чужеродия. Оформление «Искателей жемчуга» не лишено «самоварного блеска».

— Есть ли у художника Плехунова более удачные работы?

— О, да. В Уфе я видел «Болеро». Во-первых, локальные цвета — белое, черное, красное, а это уже говорит о новаторстве. Личных деталей на сцене нет, черный бык на красном фоне сразу же летит представителем больше Испания. Если курганцы увидят «Болеро», они по достоинству оценят оформление этого балета.

— Чего бы Вам, как художнику, хотелось пожелать нашим гостям?

— Во-первых, находить движение красок, точно соответствующее музыке. Во-вторых, искать новую фактуру декораций и бутфорты. В недалеком прошлом подводные камни из черной клеенки в опере «Золото Рейна» или жест, отлично воспроизводившая мокрую набережную в «Отелло» (сцена истязания на Кипре), как и все замечательные находки художников-декораторов И. Рабиновича и Ф. Федоровского, были своеобразным выхоном традиционному оформлению. И тем более сейчас имеет смысл отрешиться от остатков оперных канонизмов.

У нас в гостях — артисты Башкирии

В танцах — душа народа

Я ОЧЕНЬ люблю балет. И естественно, что в театр я шла с каким-то необъяснимым волнением; ведь мне предстояло встретиться и увидеть нечто такое, о чем я не имела абсолютно никакого представления. Я ни разу не видела национальный балет. Чего греха таить, как-то уж так повелось, что, бывая в больших городах, в первую очередь идешь на «Лебединое озеро», «Спящую красавицу» и другие классические балеты, хоть ты и видела их много раз. Может быть, именно такое восприятие на классике и заставляет пренебрегать чрезмерные требования и к национальному балету?

Как бы то ни было, но на спектакль «Журавлиная песня» я шла с некоторым предубеждением. Но вот раскрывается занавес. Сиреневые горы, лес и пастух Юмагул со своим кураем. Картина настраивает зрителя на определенное восприятие. Особенно лиричны и, я бы даже сказала, изящны танцы журавлей. На их фоне Юмагул воспринимается не как активное действующее лицо, а как иллюстратор. И это, по-моему, очень резко бросается в глаза.

Уж коль я начала говорить о балете с большой буквы, то уместно заметить и то, без чего любое искусство остается ремесленничеством. О большой внутренней связи музыки и танца, о выразительных средствах танца, с помощью которых выражается душевное переживание героя. Последний раз балетную постановку я смотрела в Москве. Я была настолько захвачена происходящим на сцене, что совершенно забыла, что сижу в театре. Просто об этом как-то не думалось. А в «Журавлиной песне» я довольно часто ловила себя на мысли, что вот эту сцену надо бы так поставить, а эту так. То есть волея-неволея я наблюдала, как играют артисты. Это уже плохо. Нарочитая условность некоторых сцен делает спектакль, не позволяя воспринимать его цельно. Так, после в общем-то хороших танцев журавлей, странно видеть разгуливающего по сцене востулка (именно не тапчущего, а разгуливающего).

Хорошая техника танца у народной артистки СССР З. Накрединовой, исполнявшей роль Зайтунгуль. Однако, почему-то ее танцы не волнуют и не трогают. Гораздо больше обаяния и свежести в танцах журавля (артистка Э. Сулейманова).

Любопытно и со вкусом поставлены народные танцы, обряды. Мне они очень понравились. В них хорошо переданы народные традиции.

Декорации оставляют желать лучшего, хотя их и нельзя назвать плохими. Хочется только отметить искусно сделанную сцену бури в третьем действии. В общем, несмотря на многочисленные условности, на неровность постановки отдельных сцен, балет «Журавлиная песня» оставляет хорошее впечатление. Я даже могу сказать, что знакомство с национальным балетом в какой-то мере расширило мое представление о балете вообще.

Л. РЫБОЛОВЛЕВА.

д.ч.ч.ч.ч.ч.

БОЙТЕСЬ самоварного блеска!

оказали бы добрую услугу светящиеся краски.

— Но, может быть, решили выдержать спектакль в духе старой традиции дирижер и артисты?

— Нет, певцы И. Ивашков, Н. Былина, М. Галеев, Ш. Кульбарисов создали вполне реальные, а не отвлеченно-романтические образы. Дирижер А. Бибиковичуть не тяготеет к условной экзотике, его темперамент исключает холодность. Заметьте сами: в оркестре — буря, на сцене всего лишь дождь, спокойные пальмы. Слаженная постановочная часть сама по себе еще не все. Зрите-

артистом и балетмейстером. Во всяком случае, описанных красок танцу явно недостает, а когда исчезает цветовой лейтмотив, то упускается слишком хорошая возможность.

— Может быть, просчеты в оформлении идут и от режиссера-постановщика А. Бакалейникова?

— Вполне возможно. Часто режиссер в силу традиции танет художника являлся. На семинаре в Свердловске заслуженный деятель искусств РСФСР Н. Ситников в беседе «Режиссер и художник» привел случай, когда по воле постановщика в сцене смерти отца Дубровского